

Бутурлин Сергей Антонович

ТРИ БРОНЕВИКА, ПОДБИТЫХ ИЗ ДВУХ СНАРЯДОВ

Родился 19 декабря 1922 года в деревне Ромашково Сафоновского района Смоленской области.

Отец, Бутурлин Антон Акимович (1884-1942), колхозник, механик мельницы. Мать, Бутурлина (Семченкова) Анна Алексеевна (1882-1940). Семья жила на хуторе, в 500-х метрах от Западной железной дороги на 327-м км от Москвы. Состав семьи 11 человек. У родителей, было семеро сыновей и две дочери. Среди них я был средний (пятый).

По национальности русский. Православный, но неверующий. В КПСС состоял с 1942 по 1991 гг. В партию принимали перед боем в августе 1942 г. под Калугой.

В 1937 г. окончил 8 классов Сафоновской средней школы. В 9-м классе проучился 1 месяц и был исключен из школы, так как в ночь с 23 на 24 сентября 1937 г. по политическим мотивам был арестован отец и тройкой приговорен заочно к 10-ти годам лишения свободы. В 1942 г. отец умер на рудниках Соликамска от непосильного труда и голода. В 1956 г. он был реабилитирован посмертно. Несмотря на это, я до 90-х годов во всех инстанциях, по известным причинам, скрывал сведения о судьбе отца.

Мать умерла в сентябре 1940 г. и похоронена в Москве на Ваганьковском кладбище.

Может возникнуть вопрос: почему я в 1937 году в возрасте 14 лет учился уже в 9-м классе? Дело в том, что в 1928 г. в 6-летнем возрасте я всегда присутствовал на занятиях по ликбезу населения нашей деревни Ромашково, которые проводились в нашем доме. Он был самый вместительный для этой цели. А когда в 1929 г. я пошел в Куровскую начальную школу (в 1,5 км от дома), меня сразу определили во второй класс как подготовленного грамоте на ликбезе.

В 1936 г. окончил Пушкинскую неполную среднюю школу (в 4-х км от дома) и восьмой класс Сафоновской средней школы в 1937 г. (в 9 км до дома).

В 1955 г. окончил Московскую высшую школу профдвижения при ВЦСПС с присвоением мне квалификации экономиста по труду.

О начале Великой Отечественной войны узнал по радио 22 июня 1941 г. Проживал я тогда в дер. Терентеево Сафоновского района Смоленской области: деревню Ромашково перед войной снесли, дома и постройки перевезли и объединили с дер. Терентеево. Работал в колхозе. Имел на иждивении двух младших сестер и двух братьев. По этой причине в Красную Армию перед войной меня не взяли.

При отступлении наших войск бежал в сторону Москвы вместе с группой деревенских ребят (10-12 чел.) на год-два моложе меня. Под Вязьмой мы попали в окружение, но нам удалось выйти, и мы оказались в Чеховском районе Московской области.

В начале декабря 1941 г., узнав о прибытии в район г. Каширы Московской области 2-го кавалерийского корпуса (с 27.11.41 переименованного в 1-й гвардейский кав. корпус, ком. генерал-майор Павел Алексеевич Белов), предпринял удавшуюся попытку вступить в его ряды в качестве подносчика патронов к пулемету «максим», в пулеметный эскадрон 1-го гвардейского кав. полка (бывший 11-й Саратовский кавполк) 1-й гв. кав. дивизии (комдив. Баранов В.К.).

После разгрома войск Гудериана под Каширой 1-й гв. кав. корпус прорвал линию обороны и ушел в пятимесячный рейд (в тыл врага) на Смоленщину, в район Вязьмы, Дорогобужа, Глинки.

Смоленский рейд 1-го гвардейского кавалерийского корпуса вошел в историю как фрагмент героической битвы за Москву. По сути, он во взаимодействии с 4-м воздушно-десантным корпусом Казанкина и партизанами отвлекал на себя большие силы противника и не позволил сконцентрировать их для возобновления похода на Москву весной и летом 1942 г.

После рейда корпус участвовал в крупных и тяжелых операциях, получал многочисленные награды. Но все участники пятимесячного рейда, по утверждению П.А.Белова, считают его наиболее героической страницей среди боевых дел корпуса в Великой Отечественной войне.

В рейде, успешно сдав экзамены по матчасти и стрельбе, я стал вторым номером, а затем и первым номером пулемета. В боях стрелял из пулемета «максим», а затем из ДС (Дегтярева станкового). Командиром пулеметного взвода был ст. сержант Лесовой Иван Алексеевич (живет в Казахстане).

Таким образом, начал я воевать под Каширой в декабре 1941 г. Затем был пятимесячный рейд по тылам на Смоленщине (февраль-июнь 1942); августовские бои на реке Жиздра под Калугой; Воронежский фронт; мартовские бои 1943 г. под Харьковом; форсирование Днепра (60 км севернее Киева); освобождение Житомира (ноябрь 1943). 28 ноября 1943 г. под Житомиром был ранен (третье ранение) и до января 1944 г. находился в госпитале в г. Прилуки (УССР).

После госпиталя на фронте не был, служил в Киевском военном округе ст. писарем в штабе 2-й отдельной тракторной роты. В ноябре 1945 г. в звании гвардии старшины был демобилизован как имеющий три ранения.

Первое ранение — совсем легкое (при бомбежке) в большой палец правой руки (июнь 1942 г.)

Второе ранение получил в августе 1942 под Калугой, на р. Жиздра (в госпитале не лежал). Ранен был в голову разрывной пулей немецкого снайпера. Они за пулеметчиками охотились. Первую пулю снайпер послал в щит пулемета. Не успел я нагнуться в окоп, как вторая разорвалась в гильзах под пулеметом, и осколки угодили мне в левый висок и щеку.

Демобилизовался в г. Москву. Работать начал в системе мясомолочной промышленности в тресте «Мясомолмаш» (Спартакoвская пл.) с 5.02.1946 в качестве инспектора по рабочему снабжению. Затем работал в системе Главнефтегазстроя, Главмосстроя на выборной работе. Последние 26 лет (до 1992 г.) работал в качестве начальника отдела организации труда и заработной платы, начальника военно-мобилизационного отдела на крупнейшем предприятии электронной промышленности СССР НИИ «Сапфир» с опытным заводом.

ПЕРВАЯ НАГРАДА

Орденом боевого Красного Знамени за № 35814 награжден приказом Западного фронта № 0888 от 11.08.42. Вручен 18.09.42 на опушке леса под Калугой командиром корпуса генералом Барановым В.К. за действия в боях под с. Бражино 6 июня, где уничтожил до 70 фашистов, и 12 июня под с. Будой Старой, а также за вынос 22.06.42 г. с поля боя через линию фронта командира пулеметного взвода ст. сержанта И.Лесового. Наградной лист от 01.07.42 за подписью командира 1-го гв. кав. полка гвардии подполковника Фактора и комиссара полка ст. батальонного комиссара Курашинова (данные ЦА МО, фонд 33, опись 682524, коробка 824, дело 42/124).

Фактически произошло следующее. Когда на рассвете 2-й эскадрон, которому был придан пулемет «ДС», 1-го гв. кав. полка 1-й гв. кав. дивизии, прикрывая ночной отход главных сил корпуса, набрал интервал в 3-4 км от главных сил, немцы в эти 60 минут успели устроить эскадрону ловушку и занять оборону в направлении движения эскадрона. И когда эскадрон вошел в подковообразную засаду, наша разведка доложила, что сзади эскадрона движется колонна немцев в 200-250 солдат и офицеров.

Их цель заключалась в том, чтобы замкнуть окружение эскадрона и, если не пленить, то уничтожить.

Командование эскадрона принимает решение — залечь. Местность это позволяла (кустарник, деревья, высокая июньская трава). В наших рядах наступила смертельная тишина. Слышны были только голоса немцев, которые неуклонно приближались в психической атаке. Это было на рассвете 6 июня 1942 г.

Подпустив атакующих на расстояние броска гранаты, эскадрон взорвался криком «Ура!» — был громовой раскат эха — и мощью в 200 человек обрушился на противника. В ход пошли гранаты, автоматы и единственный пулемет «ДС», а был он без станка (без треноги).

Такого оборота немцы не ждали и в ужасе и панике, не успев крикнуть «рус, сдавайся, рус, капут», бежали. Но уйти им от преследования конногвардейцев не суждено. Разрядив 300-патронную пулеметную ленту в ряды немцев с близкого расстояния, я схватил «тело» пулемета и, как дубинкой весом в 22 кг, обрушил его на голову проклятого захватчика. Раздался громкий звон, потом второй, и падают с развороченными черепами еще два фашиста.

Свидетелями этой драматической сцены были командир 2-го эскадрона 1-го гв. кав. полка и начальник политотдела дивизии комиссар Марченко Федор Макарович.

Из 200-250 немцев бегством спаслись не более 50. Обогнув подковообразную оборону немцев слева, эскадрон сделал кратковременный привал, а комиссар Марченко выступил тут же со словами: «Молодцы, конники! Дрались по-гвардейски!» А ко мне подошел, обнял и по-отцовски расцеловал.

После вручения мне — гвардии рядовому — ордена Красного Знамени в многотиражной корпусной газете «Конногвардеец» за 26.08.42 была опубликована статья «Богатырский удар», в которой в какой-то мере был рассказан этот эпизод.

Другие награды: орден Отечественной войны 1-й степени (март 1985); медали: «За оборону Москвы» (1944), «За победу над Германией» (ноябрь 1945), «За освобождение Украины» (1999), «Ветеран труда» (1983), «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина», «Медаль Жукова», «В память 800-летия и 850-летия Москвы» (1948 и 1997), «В память 1500-летия Киева» (июнь 1983), «20 лет, 30 лет, 40 лет и 50 лет Победы в Великой Отечественной войне» и «50 лет, 60 лет и 70 лет Вооруженных Сил СССР».

НАШИ, ОТСТУПИВ, ПРО НАС ЗАБЫЛИ

Ранним утром в августе 1942 г. наш полк под натиском немцев отступил за реку Жиздру. Командиру пулеметного расчета ст. сержанту Мищенко и мне, первому номеру пулемета, об отступлении не сообщили, и мы вдвоем продолжали отстреливаться и удерживать деревню часов до 12 дня. И только к этому времени мы разобрались, что произошло.

Сняв пулемет с точки, мы ползком между гряд картофельного поля начали отступление к деревне. Поскольку пулемет, его щит, возвышался над ботвой картофеля, он был обстрелян. Был поврежден замок, а из кожуха «максима» потекла вода, и мы были вынуждены его бросить.

По низине балки добрались до конца деревни. Внизу из погребца выглянула женщина, сообщившая, что наверху повсюду немцы.

Миновав мост в конце деревни, выбежали на поляну. Нас обстреляли. От моста в сторону леса бежать метров 700-800. Обнаружив осушительную канаву глубиной 60-70 см, на четверть заполненную водой, доползли до тупика в 300-400 метрах от леса. Из канавы стали подавать сигналы (красный кисет на палке), раздалась пулеметная очередь из леса, куда ползли. Тогда, дождавшись темноты, пошли в лес.

На опушке обнаружили много обгоревших и подбитых танков. В воздухе стоял запах горелого металла. Вошли в лес, наткнулись на просеке

на немецкого часового. Вернулись назад. В 400 м от леса стоял большой стог сена. Остаток ночи и весь следующий день провели замаскировавшись на вершине стога. Наблюдали, как наши «катуши» вечером обстреляли деревню, которую мы обороняли. Огненные снаряды летели прямо над стогом сена. Наблюдали, как немцы разбегались и падали с появлением наших штурмовиков. Запоминали, какая техника двигалась в сторону леса, и дрожали, когда немцы на машинах подъезжали к стогу и грузили сено в кузов а/машин.

С наступлением следующей ночи снова пошли в лес, взяв правее дороги, ведущей в лес. При подходе на опушке Мищенко вдруг провалился в окоп. Все обошлось благополучно. В лесу тлели костры. Немецкая речь позволила нам сориентироваться и скрытно обойти и выйти на поляну, испещренную гусеницами танков. На пшеничном поле нашелушили зерен поспевшей пшеницы и позавтракали ими, впервые за двое суток. Затем поползли по картофельному полю.

Начало светать. Вдруг слышим голоса. Оказалось — наша разведка. Сообщили разведке нужные данные о расположении немецких войск, а сами через сгоревшую деревню пошли к реке Жиздра. На середине реки был наш подбитый танк «Надежда». Не успели перейти реку, как раздалась команда с другой стороны «Вперед!». Наши (но не кавалерия 1-го корпуса) вброд перешли в наступление. Команду «вперед» подавал, размахивая пистолетом, капитан. Мы настояли, что в бой пойдем только со своим кав. корпусом.

Своих конников удалось найти только на третий день. К тому времени нас уже успели занести в список пропавших без вести.

Наш рассказ в штабе полка о том, что с нами произошло, был воспринят как подвиг, но к награде не представили, а как матчасть (пулемет) не вынесли и не представили доказательств (т.е. разбитый замок) его непригодности.

И снова в бой, но с другим пулеметом, а Мищенко направили в госпиталь, он заболел малярией еще в пути, пробираясь к своим. Мне с Мищенко больше никогда не довелось встретиться, и судьба его мне неизвестна.

ТРИ БРОНЕВИКА, ПОДБИТЫХ ИЗ ДВУХ СНАРЯДОВ

В сентябре-ноябре 1942 года группа войск 1-го гв. кав. полка, преследуя на Воронежском фронте отступающих немцев, вышла из леса на проселочную дорогу. Вот уже первые колонны вошли в населенный пункт,

как вдруг из-за поворота леса, из-под горы с нарастающим гулом и стрельбой из крупнокалиберных пулеметов появились три немецких тяжелых броневика, врезаясь в хвост нашей колонны.

Кавалеристы-сабельники съехали с дороги врассыпную, а брички и батарея 45-мм орудий (их было 4), запряженные парой лошадей, были броневиками задеты, а некоторые, не успевшие свернуть, опрокинуты.

Однако первое орудие, уже въехавшее в деревню, свернуло вправо за сарай и, как только на дороге из-за сарая появился первый броневик, командир орудия сержант (фамилию не помню) выстрелом — термическим снарядом — прошил переднюю часть броневика вместе с его водителем.

Второй броневик врезался в первый, а третий (сержант успел перезарядить пушку) постигла та же участь, что и первый.

Часть немцев все-таки повыскакивала из броневиков и сбежала. В броневиках, кроме прочих предметов, отобранных у населения, было очень много немецких часов-штамповки (видать, снимали с трупов своих), но были и наши, например, в серебрянном корпусе «Павел Буре», и они при дележке достались мне.

К этому времени я числился артмастером в 45-мм батарее, а фактически был парторгом батареи и находился в этом эпизоде при 1-м орудии. Орудийный расчет отличился, уничтожив три вражеских броневика и несколько немецких солдат и офицеров, а к награде был представлен за этот подвиг лишь один сержант — командир орудия. Он был награжден орденом Отечественной войны 1 степени.

ОДНОДНЕВНОЕ ДЕЗЕРТИРСТВО

Выписавшись из госпиталя г. Прилуки, мы (а таких набралось человек 10-12) в сопровождении медсестры по заснеженной проселочной дороге двинулись в г. Нежин пешком.

По дороге заночевали в одной из хат и на следующий день прибыли к коменданту Нежина. Нас тут же направили в эшелон на железнодорожную станцию города в товарные вагоны «теплушки». Эшелон формировался из бойцов рядового и сержантского состава, прибывающих в город из разных близлежащих госпиталей.

Начальником этого эшелона был старшина. В эшелоне, который на станции Нежин стоял не один день, мы успели познакомиться и подружиться. Нас было четыре старшины: я — кавалерист, танкист,

артиллерист и пехотинец. На третий день стоянки нам надоело болтаться без дела, и по инициативе старшины-танкиста было принято решение — двинуться за 25 км от Нежина в деревню, которую освобождал танкист и где у него есть и знакомый дом, и хороший друг — хозяин дома. Кроме всего прочего, пообещал, что будет нам самогон и много хороших девушек. Сказано — сделано.

Идем на пристанционный рынок. Выбираем лошадь, запряженную в сани. Садимся. И как только начали отвязывать лошадь, на нас обрушилась женщина: «Что вы, касатики, ведь это лошадь моя». Объяснили ей, чего мы хотим. Она, оказалось, недалеко от того населенного пункта живет, куда мы намереваемся податься.

Приехали в деревню. К вечеру у нас появился самогон, и «пошла гулять губерния». Всем нам четверым в сумме было не более 90 лет...

Утром, не успели мы опохмелиться, как в дом заявился «ястребок» с винтовкой: «Ваши документы. Кто вы и откуда?» Затем повел к старшему лейтенанту, который поочередно провел допрос. А меня пристыдил — как же ты, коммунист, орденосеиц и к тому же мой земляк — смоленский — дошел до такой жизни.

Всех четверых с запечатанным конвертом сопровождал к коменданту в г. Нежин молодой человек в гражданской форме, но с пистолетом.

И когда мы пришли к железнодорожному переезду, где шла рыночная торговля, откуда мы двинулись в поисках приключений, нас окружила толпа тех, из которых формировался состав к отправке. Объяснили коллегам, что и как. Тут же появился старшина — начальник поезда. Нам дал команду занять свои места в вагоне, а с сопровождающим отправился к коменданту сам. Нам крупно повезло. Могли бы оказаться в штрафбате. На следующий день эшелон отправился в сторону Киева. В Киеве меня направили в часть, где служил ст. писарем и откуда демобилизовался в Москву в ноябре 1945 г.

МАЛЕНЬКИЕ ШАЛОСТИ

Работая в штабе ст. писарем, от нечего делать стал выводить на чистом листе бумаги подпись командира своей воинской части капитана И. Михайловского.

Так я исписал листа 2-3 его подписью. Получалось здорово. Когда вдруг неожиданно в комнату вошел командир И. Михайловский, я быстро спрятал

эти исписанные листы в выдвинутый ящик стола. Мой испуг командир попросил объяснить и показать, что я от него спрятал.

Убедившись в моих способностях, похвалил, при этом сказал, что заслуживаю наказания, но простил. Я обещал больше этим не заниматься.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ

В 1998 г. я был избран секретарем Совета ветеранов 1-го гв. кав. корпуса. Увлёкся историей одного из «ветеранов», состоявшего в списках нашего корпуса, Масловым Сергеем Николаевичем, который с 1996 года организовал и возглавил Совет ветеранов участников парада на Красной площади 7 ноября 1941 г. И даже оформил себе удостоверение парадника за № 1.

Оказалось, что этот гражданин на параде в ноябре 1941 г. не был — в то время он находился на курсах младших лейтенантов в Уральском военном округе. Закончив их в апреле 1942 г., попал на Калининский фронт в 11-й кав. корпус, а с середины 1942 г. попал к немцам в плен.

Находясь в плену, был назначен командиром учебного карательного отряда. При наступлении войск Красной Армии в Германии Маслов бежал вместе с немцами, чтобы сдать в плен американским войскам. Нашим удалось его выудить из плена армии США, и Военным трибуналом группы советских оккупационных войск в Германии от 29.12.45 он был приговорен за измену Родине по ст. 58-1Б УК РСФСР к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет с лишением военного звания лейтенант.

Отбыв наказание, Маслов поселился в Можайске Московской области и сварганил себе орден Славы III степени.

Затем переезжает в Одинцово, где приобретает удостоверение участника войны и орден Отечественной войны. Одинцовский РВК удостоверение Маслову не выдавал. На то имеется документ РВК г. Одинцова.

В 1989 г. из Одинцова Маслов переехал в пос. Мамонтовка Пушкинского района Московской области. Там возглавил местный Совет ветеранов войны. Поимел и другие награды. Например, орден Красной Звезды, который якобы генерал Масленников, командующий 39-й армией, снял со своей груди. Приобрел медали «За оборону Москвы», «За победу над Германией», стал полковником и даже пошил себе соответствующий мундир. Выступал на «Поле чудес» у Якубовича, где объявил, что к параду

Победы в июне 1945 года для И.В.Сталина готовил коня именно он. Тогда как в это время Маслов в Германии дожидался своей горькой участи.

Вот такая история. Правда, в марте 2003 г. Маслову предложили покинуть соответствующие ветеранские посты и успокоиться. А в газете «Красная Звезда» от 21 марта 2003 г. по моей инициативе появилась статья «Вирус тщеславия» с подтекстом «У нас героем становится любой». Автор статьи Виталий Мороз.

Разоблачение Маслова — это мой долг перед замученными людьми и сожженными деревнями на многострадальной земле Белоруссии, где каратели зверствовали с особой жестокостью.

При отступлении немцы использовали как заградительный щит мирное население. В этом щите оказались, будучи в оккупации, мой старший брат Андрей 1912 г. — инвалид 1 гр., сестра Нина 1927 г. р., брат Николай 1929 г.р. и Алексей 1935 г.р. От рук немецких карателей при отправлении в Германию погиб старший брат Андрей. Нина, Николай и Алексей были в Германии, в районе реки Одер, и попали в зону освобождения американской армии. В 1945 г. возвращены на Родину. В живых уже никого нет.

Брат Михаил 1918 г.р. во время войны без вести пропал. Брат Павел 1915 г.р. во время войны находился в ПВО Московского гарнизона, а брат Петр 1920 г.р. — на Тихоокеанском флоте (участвовал в войне с Японией). Умерли после войны — Павел в Москве, Петр в Запорожье.

Из семи братьев и двух сестер в живых осталось нас двое — я и сестра Надежда, 1925 г.р., проживает в Москве.

Имею сына 1946 г.р., живет в Москве с семьей, и дочь с внучкой, проживают совместно со мной.

В 2001 году мною подготовлен на 15 страницах очерк с фотографиями, посвященный 60-летию битвы под Москвой 1-го гвардейского краснознаменного Житомирского имени Совнаркома УССР кавалерийского корпуса. Очерк опубликован в книге «Солдаты XX века» (стр. 152-167), изданной Международным объединенным биографическим центром в июне того же года.

До сих пор увлекаюсь спортивным плаванием (имею разряд), современными и бальными танцами. Занимаюсь гимнастикой и самомассажем, что безусловно помогает жить и бороться с болезнями и со старостью. Очень помогает оптимизм и юмор, без чего не представ-

ляю жизнь. Получаю удовольствие от услуг и доброты, сделанных другим людям и тем более друзьям, близким и родным.

Кроме обязанностей секретаря Совета ветеранов 1 гв. кав. корпуса, выполняю обязанности зам. председателя президиума клуба «Краснознаменец» при Московском комитете ветеранов войны.

Участвовал в юбилейных парадах на Красной площади в 1995 и 2000 гг., посвященных Дню Победы.

Очень дорога и любима мне песня, звучавшая в годы войны: «Эх, как бы дожить бы до свадьбы-женитьбы и обнять любимую свою...» И такое осуществилось. За что признателен судьбе своей — ею стала Зоя Павлова.

Была она, как и я, сиротой. Познакомились 7 ноября 1945 года, и на второй день 8 ноября поженились. Через две недели расписались. Мне было 22, а ей 18. Из жизни она ушла в 1990 году.

Преклоняюсь перед людьми, горячо любящими наш народ и нашу Родину — Россию. Например, так как это делал талантливый мастер кино и мужественный человек, только что ушедший из жизни, ветеран войны Евгений Матвеев.

Июнь 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь *Карамзин Алексей Юрьевич*, студент Московского государственного инженерно-физического института